

А. В. Резник

ВВЕДЕНИЕ

Повествование о Льве Давидовиче Троцком, как и о других личностях большого исторического масштаба, нередко страдает от таких стереотипных характеристик, как: «великий», «героический», «выдающийся», «гениальный», «трагический», «противоречивый». Кажется, сложно рассчитывать на понимание читателя, не использовав эти шаблоны, не ограничив и не «подчинив» предмет разговора устойчивым фигурам речи. Учитывая эти соображения, следует признать, что, в самом общем смысле, эта книга посвящена Троцкому. Но важнее, что это — сборник разных текстов, посвященных образу революционера в культурной памяти России, и вместо главного героя в ней представлено множество действующих лиц российской истории минувшего столетия. Все они «писали жизнь» и Троцкого, и — через создаваемый ими образ Троцкого — свою собственную жизнь. Внешне не всегда сводимые друг к другу, в совокупности их нарративы образуют многослойное пространство культуры.

Одним из важнейших интеллектуальных компонентов этой культуры является биография — древний литературный жанр, с помощью которого объяснялись многие «вечные вопросы». Сам Троцкий, среди революционеров соразмерного исторического значения, безусловно, остается наиболее продуктивным биографом. Широкая популярность и устойчивость жанра, конечно, не равнозначна его совершенству. На примере новейших «толстых» жизнеописаний Троцкого читатель преимущественно имеет дело с событийным повествованием, в котором преобладают идейно-политические и морально-психологические оценки,

не говоря об откровенных нравоучениях¹. Не останавливаясь на всей обширнейшей историографии, посвященной Троцкому, следует констатировать, что биография как область знаний и как жанр часто становится заложницей либо «летописцев», либо «идеологов». Но в контекстуальной взаимосвязи биографические нарративы могут служить пониманию более широких исторических процессов².

Целью введения, как и антологии в целом, является постановка проблемы складывания образов Троцкого в историческом контексте российской культуры XX века; при этом акцент сделан на первую половину столетия, когда были сформированы основные трактовки рассматриваемого феномена. В рамках данного проекта сознательно исключены современные тексты, в том числе академические: вместо создания исчерпывающей «Троцкианы» или «Троцкопедии» намечается карта дальнейших сфокусированных поисков и детальных исследований. Читатель сформирует свой образ Троцкого, каким он был или не был «на самом деле», через ознакомление с чужими представлениями о Троцком, а также обращаясь к комментариям, освещающим фактические стороны.

Взаимосвязь и преемственность образов в исторической ретроспективе тесно связаны с проблемой культурной памяти. К 2017 году, разумеется, не осталось личной, семейной и другой «живой» памяти о Троцком. Речь идет только о социальной, исторической и культурной памяти (об этих понятиях далее). В настоящий момент эта память заполонила собой каналы массовой информации, произвела целую индустрию, для которой прошлое служит символическим, коммерческим, политическим ресурсом³. «Памятные» дискурсы относятся к прошлому, но их практическое применение может использоваться в ответ на вызовы современности. Неписанные правила академической культуры находятся в конфликте с обыденным сознанием. Голос профессиональных исследователей

---

¹ См. обзор состояния историографии: *Reznik A. V. Lev Trotskii as the Mirror of the Russian Revolution // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2016. Vol. 17, N 1. P. 181–191.*

² *Reznik A. V. Lev Trotskii as the Mirror of the Russian Revolution. P. 190–191; См. также: David-Fox M. The Leader and the System // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. Vol. 17, N 1. P. 119–129.*

³ См.: *Калинин И. Бой за историю: прошлое как ограниченный ресурс // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78). С. 330–339.*

почти не слышен на фоне мифотворческого гула журналистов, политиков и государственной бюрократии, преследующих свои, далекие от научных цели⁴. Риторический прием обращения к истории чаще всего не имеет ничего общего с конвенциональными представлениями о профессиональном историописании. Так, среди прочего, дискурс пристрастного «суда» над историей подминает непредвзятый и беспристрастный анализ⁵. Этот коммуникативный разрыв особенно драматичен накануне столетия центрального события истории XX века — Великой Российской революции 1917 года⁶, острота и продуктивность дебатов о которой явно уступила в популярности оценке эпохи сталинизма и в особенности — государственного террора.

Уникальность случая Троцкого — в ряду крупных деятелей эпохи войн и революций 1914–1922 годов — заключается в устойчиво негативном восприятии его образа. На это указывают сегодняшние опросы общественного мнения или полки книжных магазинов, высказывания первых лиц государства и большинства их политических оппонентов. Негативные оценки Троцкого раздаются с самых верхов российского политического истеблишмента⁷. О том, как и почему это произошло, писали многие, включая и самого Троцкого: достаточно обратиться к его мемуарам, статьям и заявлениям после изгнания из СССР. Не погружаясь в детали, следует констатировать доминирующую

---

⁴ См.: *Касьянов Г., Миллер А.* Россия — Украина: как пишется история. Диалоги — лекции — статьи. М.: РГГУ, 2011; *Копосов Н.* Память строгого режима: История и политика в России. М.: Новое литературное обозрение, 2011; *Миллер А. И., Липман М. (ред.)* Историческая политика в 21 веке: Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2012; *Малинова О. Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности М.: Политическая энциклопедия, 2015.

⁵ Об этом можно судить по серии популярных телевизионных ток-шоу «Суд времени» (2010) и «Исторический процесс» (2011–2012).

⁶ Здесь используется конвенциональное название. В контексте жизни и творчества Троцкого довольно примечательно, что свой главный исторический труд он назвал «История русской революции».

⁷ См. статью редактора нескольких изданий Троцкого на русском языке: *Будрайтскис И.* Кто же стоит за троцкистским заговором? [Электронный ресурс.] URL: <http://openleft.ru/?p=4709>; См. также: Общество Мемориал: Лев Троцкий в историческом и в современном общественно-политическом дискурсах. [Электронный ресурс.] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=xuvi9HUA18M>.

коммеморативную практику в отношении Троцкого — *негативное* забвение, *вытеснение* из исторической памяти как *чуждого* российской культуре. И это лишь отчасти вызвано естественным, «нормальным» процессом затухания интереса к тем или иным проблемам прошлого — как подсказывает здравый смысл, фигуры вроде Наполеона или события типа Первой русской революции потеряли свою злободневность для общества. Троцкий же остается нашим «современником».

Культурная память как форма коллективной памяти и национальной культуры в целом — это сложносоставной комплекс коммуникативных и дискурсивных практик. Последние сами по себе являются не столько объяснением событий прошлого, сколько объектом жарких дискуссий и специального научного интереса⁸. Важным отличием культурной памяти от индивидуальной, семейной и политической является ее многообразие, постоянное обсуждение, (само) обновление⁹. Это становится очевидным в эпоху информационной открытости и возрастания роли (новых) медиа¹⁰. Культурная память охватывает более широкие процессы, которые не сводимы к (государственной) исторической политике (*historical policy*), навязывающей общеобязательные каноны, и политике памяти (*history politics*) как конкурентному пространству политической борьбы¹¹. Культурная память в то же

---

⁸ См. главный труд Яна Ассмана: *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.

⁹ *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014. С. 58 и др. Книга Алейды Ассман является одной из лучших, хотя и спорной попыткой популярного изложения теоретических проблем исторической памяти.

¹⁰ См.: *Erll A., Nunning A.* (Eds.) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2008. Part VI. Media and Cultural Memory.

¹¹ *Миллер А.* Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Миллер А, Липман М. (ред.) *Историческая политика в XXI веке*. С. 7–32. Комментируя понятие «политика памяти», И. М. Савельева справедливо заметила, что «само слово “политика” указывает на то, что речь идет либо об изучении способов идеологизации прошлого, либо о самом процессе идеологизации знания о прошлом. Не случайно во многих сочинениях о “политике памяти” мы обнаруживаем манифесты очередных “движений”, на этот раз “движений за память” (жертв Холокоста, депортаций, Гулага), что уж точно выводит соответствующие тексты за пределы научного, исторического

время, как показывают сравнительные исследования, не может быть до конца автономной ни от политики, ни от идеологий¹².

Образы политиков прошлого становятся инструментами в руках Мы-групп (от литературных кружков до политических партий), мотивированных идеологическими пристрастиями и преследующих политические задачи в самом широком смысле. Традиционно главным ресурсом для такого конструирования образов служат исторические нарративы, среди прочих — свидетельства очевидцев. В случае Троцкого, как можно увидеть на страницах этой книги, мы имеем самые разнообразные источники личного происхождения — и по жанру, и по содержанию. Но для формирования «работающего» образа требуется простой непротиворечивый нарратив, маркирующий «своих» и «чужих» вдоль ясных границ «добра» и «зла». Возможно, в решении этих задач языки политического плаката или кино, учитывая их эмоциональное воздействие, наиболее эффективны, но тексты способны выстроить более устойчивую, долговременную сопричастность самому персонажу либо его врагам и жертвам.

Образ Троцкого был и остается в наибольшем конфликте с двумя большими идеологическими традициями. Первая из них может быть условно обозначена как белоэмигрантская, рожденная в ходе Гражданской войны, а затем проявившаяся в эмиграции, вторая — сталинистская, бывшая орудием и продуктом политической борьбы в СССР в 1920-е годы. Будучи не однородными, со своими внутренними гибридами и мутациями, они, как бы то ни было, стабильны и влиятельны по сей день, нередко оформляясь в виде общественно-политических движений. В этом отношении они все в той или иной мере ангажированные, «партийные». Стержнем этих и других традиций «памяти» являются разнообразные мифы и ритуалы¹³. При этом и «белые» антикоммунисты, и «советские» коммунисты формировали свои представления не только в оппо-

---

дискурса» (Савельева И. М. Перекрестки памяти // Хаттон П. Х. История как искусство памяти. СПб: Владимир Даль, 2003. С. 409–410.)

¹² О важности идеологии для исследования разных «режимов памяти»: Bernhard M., Kubik J. *The Politics and Culture of Memory Regimes: A Comparative Analysis / Twenty years after Communism*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014. P. 261–296.

¹³ См., например, анализ стратегий памяти на примере Франции времен противостояния голлистов и коммунистов: Nora P. *Gaullists and Communists //*

зиции «троцкизму» и друг другу, но и другим конкурирующим проектам памяти либералов, социалистов и анархистов (в ка-вычках и без). Для левых политических движений, по понятным причинам, Троцкий более актуален — как предмет исторических дебатов о революционной тактике, природе СССР и т. д. Но для самых разных людей Троцкий служит воплощением конкретных процессов, требующих объяснения и концептуализации. Первой, хотя и не всегда проговариваемой задачей является ответ на вопрос: что достойно и не достойно памяти — что следует вспоминать, а что подвергнуть забвению.

Трудно преуменьшить роль Троцкого в истории России (и можно бесконечно спорить о его роли во всемирной истории). Несмотря на это, внимание к нему со стороны российских публицистов, мемуаристов, философов и историков, которые по сей день определяют наше восприятие ключевых событий, вряд ли избыточно. Для образованных людей образ революции 1917 года не будет полным без таких фигур, как Александр Керенский, Павел Милюков, Антон Деникин, Борис Савинков, Виктор Чернов или Юлий Мартов. Но эти властители умов, равно как и активно публиковавшиеся меньшевики Григорий Аронсон, Владимир Войтинский, Федор Дан, Ираклий Церетели, эсеры Николай Авксентьев, Владимир Зензинов, консерваторы Василий Шульгин, Иван Ильин, Петр Струве, Николай Устрялов и др., не уделили Троцкому сколь бы то ни было значительного внимания. Это лишь отчасти можно объяснить тем, что в российской и советской публицистике приоритет отдавался массам, народам и государствам, а не отдельным личностям¹⁴. Положение дел в «Троцкиане» не изменило и постепенное усиление элементов персонализации политики и складывание «современных» (модерных) культовых образов современности, в явной мере обозначившихся уже в годы Первой мировой войны.

Nora, P., Kritzman L. D. (Eds.) *Realms of Memory: Conflicts and divisions* (Vol. 1). New York: Columbia Univ. Press. 1996.

¹⁴ Так, например, в авторитетном четырехтомнике «Общественное движение в России в начале XX века» Мартов назвал Троцкого «видным деятелем» «откола от меньшевистского литературного штаба» (Общественное движение в России в начале XX века. Том III. Кн. 5. Партии — их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в Думе / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. СПб: Тип. т-ва «Общественная польза», 1914. С. 553).

Игнорирование Троцкого со стороны большинства политических вождей и властителей умов — сама по себе актуальная проблема для исследователей исторической памяти. Был ли Троцкий действительно настолько неинтересен и неважен? Существовали ли объективные и субъективные условия для попыток интерпретации? Уместно ли ставить вопрос о наличии постреволюционного травматического эффекта от поражения, изгнания и унижения? Расценивалось ли посвящение Троцкому статьи или главы как нежелательное признание значимости своего врага? По мере изменения статуса Троцкого с «диктатора» на «врага народа», произошедшего после высылки из СССР в 1929 году и обеспечившего раскрепощение Троцкого как публициста и политика, казалось бы, появилось больше информационных поводов: так, новый изгнанник стал объектом пристального внимания европейской прессы (об этом можно судить и по пропагандистской статье Ярославского, опубликованной в наст. антологии). Издание Троцким «Опыта автобиографии» в 1930 году еще больше подогрело интерес к нему. Эмигранты наслаждались свободой слова, но преимущественно отстраненно наблюдали за процессом складывания мифов советской пропаганды о «троцкизме» и одновременного табуирования биографий Троцкого¹⁵. Катастрофа Второй мировой войны привела к фундаментальному сдвигу культурной памяти. Уже представители третьего поколения русской эмиграции, среди которых были такие чуткие наблюдатели, как Георгий Владимов, Виктор Некрасов, Александр Зиновьев, или даже Сергей Довлатов и Иосиф Бродский, не уделяли Троцкому своего внимания. Яркими исключениями служат произведения

---

¹⁵ Илья Эренбург даже в опубликованных на излете оттепели воспоминаниях был вынужден зашифровать имя Троцкого: «В Вене я жил у видного социал-демократа Х. — я не называю его имени: боюсь, что беглые впечатления зеленого юноши могут показаться освещенными дальнейшими событиями. <...> Х. был со мною ласков и, узнав, что я строчу стихи, по вечерам говорил о поэзии, об искусстве. Это были не мнения, с которыми можно было бы поспорить, а безапелляционные приговоры. <...> Для Х. обожаемые мною поэты были “декадентами”, “порождением политической реакции”. Он говорил об искусстве как о чем-то второстепенном, подсобном» (*Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Т. 1. Кн. 1–3. М.: Текст, 2005. С. 77). Следует согласиться с Б. Я. Фрезинским, крупнейшим публикатором Эренбурга, что утверждения мемуариста о взглядах Троцкого на искусство не справедливы.

Льва Копелева и Александра Солженицына¹⁶. Образ Троцкого, как бы то ни было, пережил все попытки полного забвения и с неизбежностью актуализируется в контексте современных историко-политических процессов.

Говорим ли мы о провалах в формировании культурной памяти о Троцком, или просто о ее постепенном «умиротворении», нельзя игнорировать тот факт, что эта память приобрела парадоксальную «глубину» и «живучесть». Для того чтобы приблизиться к пониманию причин этой долгосрочности, представляется необходимым рассмотреть то, что можно условно назвать «эффектом Троцкого», состоящего из «внутренних» и «внешних» аспектов восприятия его образа.

Троцкий известен широкой публике во многом благодаря визуальной репрезентации его образа в пропагандистских плакатах, в первую очередь красных и белых сторон Гражданской войны и сталинской пропаганды 1930-х годов¹⁷. Восприятие внешнего вида Троцкого изначально проходило через фильтр идеологических пристрастий, поэтому не удивительно, что, переводя свои впечатления в литературную форму, авторы нередко теряли необходимую объективность. Возможно, наиболее характерный пример — это публикуемая в нашей антологии статья Куприна, использовавшего свои выдающиеся таланты в откровенно пропагандистских целях. Но он не был в этом одинок.

Однако, несмотря на симпатии и антипатии, попытки дать объективный визуальный портрет Троцкого все же имели место. Один из таких портретов принадлежит перу Владимира Лопухина:

«Отворяется дверь. Входит человек небольшого роста, сухощавый, чернявый, некрасивый в бросающейся в глаза чрезвычайной степени. Желтоватая кожа лица. Клювообразный нос над жидкими усиками с опущенными книзу концами. Небольшие, пронзительные черные глаза. Давно не стриженные, неопрятные, всклокоченные черные волосы. Широкие

---

¹⁶ В случае Солженицына следует говорить о глубокой преемственности с предшествующей эпохой и несомненными амбициями идеолога, к которым поколение Галича или Бродского относилось негативно.

¹⁷ *Wyndham F., King D. Trotsky: A Documentary*. New York: Praeger Publishers, 1972 (рус. изд.: *Кинг Д., Раян Д. Троцкий: биография в фотодокументах*. Екатеринбург: «СВ-96», 2000); *Bonnell E. A. Iconography of Power: Soviet Political Posters under Lenin and Stalin*. Berkeley: University of California Press. 1998.

скулы, чрезмерно растягивающие тяжелый, низкий подбородок. Длинный, узкий обрез большого рта с тонкими губами. И — непостижимая странность! Необычайно развитые лобные кости над висками, дающие иллюзию зачатка рогов. Эти рогоподобные выпуклости, большие уши и небольшая козлиная бородка придавали приближавшемуся ко мне человеку поразительное сходство с чертом, обличия, созданного народной фантазией.

Одет он был в потертый сюртучишко. Крахмальный воротничок рубашки был сильно заношен. Плечи и рукава сюртука засыпаны перхотью с головы.

Штанишки мягкие, сильно раздавленные у колен, рассыпавшиеся в концах мелкой бахромкой.

Такова была внешность остановившегося передо мной человека. И не отвечавший этой внешности, раздался приятный мелодичный голос. Слова чистого русского произношения, без малейшего акцента. Поразила неожиданностью и форма обращения:

— С кем имею честь?.. Троцкий. Вы не товарищ министра Нератов?»¹⁸

Неподдельное удивление «странному» Троцкому, только что назначенному наркомом иностранных дел и впервые явившемуся в совершенно чуждую ему цитадель ведомственного консерватизма и аристократизма, пронизывает этот внешне нейтральный фрагмент воспоминаний бывшего директора департамента Министерства иностранных дел. В дальнейшем повествовании Лопухин не возвращался к Троцкому даже для критики его действий, хотя никаких симпатий к большевикам он не испытывал.

Любопытен и другой портрет, данный Троцкому в 1917 году Владимиром Лихтенштадтом. Эсер-максималист, он с 1906 по 1917 год пробыл в заключении Шлиссельбургской крепости. Описание внешности Троцкого — нейтральное и детальное: «... Тип еврейский (но не очень), еврейско-испанский: крупные черты лица, высокий лоб и богатая шевелюра, орлиный, скорее ястребиный нос, мясистые, чувственные, красные губы... усы и эспаньолка; голос немного резкий и “узкий” (без богатого тембра), но отчетливый, громкий, властный и гибкий, с южным акцентом». Но дальнейшая оценка несет отпечаток политических антипатий автора, примыкавшего на тот момент к меньшевикам: «Нужно видеть, как он действует на толпу! Это великолепный

---

¹⁸ Лопухин В. Б. Записки бывшего директора департамента министерства иностранных дел. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 313–314.

актер, честолюбец и властолюбец, любитель сильных ощущений, широких жестов, больших пожаров, он будет поджигать, и любоваться, и самолюбоваться»¹⁹. Важно отметить, что Лихтенштадт передал свои впечатления в личном письме возлюбленной. В 1919 году он вступит в РКП (б) и Красную армию, и вскоре, захваченный войсками генерала Юденича под Петроградом, он будет расстрелян как комиссар. Каково было отношение бывшего эсера к Троцкому после написания письма, насколько широким был круг людей, с которыми он делился своими мыслями и впечатлениями, — таковы вопросы, которые следует задавать этому и подобным источникам.

Траектория политического развития Нестора Махно хорошо известна, и он до сих пор остается культовой фигурой среди сторонников политической традиции анархизма (в данной антологии она представлена Всеволодом Волиным). Хотя в случае разгрома «махновщины» Троцкий сыграл роковую роль, Махно в своих эмигрантских воспоминаниях не баловал своего врага чрезмерным вниманием. Самая любопытная характеристика касается событий июля 1918 года, когда Махно приехал в Москву на V Всероссийский съезд Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов. Тогда он «поспешил отправиться на митинг Л. Троцкого, которым как оратором увлекался не только я за время своего пребывания в Москве, но и многие друзья и противники его. И нужно сказать правду, он этого заслуживал. Его речей нельзя было равнять ни с речами щелкопера Зиновьева, ни с речами Бухарина. Он умел говорить; и им можно было увлекаться. Правда, этому много помогало особо острое в смысле боевизма партии большевиков время»²⁰. В этом же ключе следует рассматривать воспоминания меньшевистского лидера Петра Гарви, написанные не позднее рубежа 1930–1940-х годов. Повествуя о событиях в Женеве в 1903–1904 годы, он признавал ораторский талант своего старого оппонента: «С большой речью выступил Троцкий, обрушившийся на большевиков. Такого блестящего оратора мне не приходилось еще слышать

---

¹⁹ «К тебе и о тебе мое последнее слово»: письма В. О. Лихтенштадта к М. М. Тушинской / Публ. Н. К. Герасимовой, А. Д. Марголиса // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 20. М.; СПб., 1996. С. 129–165.

²⁰ Махно Н. И. Воспоминания. М.: Республика, 1992. С. 173.

ни в подполье, ни в тюрьме. Бросались в глаза боевой задор, отточенность, пожалуй, нарочитая и чрезмерная, формулировок, полемическое искусство: в руках не меч, а шпага»²¹. В этом с ним мог бы согласиться и минский большевик Вацлав Солский, услышавший речь Троцкого в конце 1917 года в Петрограде: «Троцкий говорил с большим подъемом, он был, несомненно, прекрасным оратором, но я помню, что меня несколько отталкивало то, что он был оратором слишком эффектным, т. е. таким, который искал эффектов и умел их находить. <...> У Троцкого паузы и фразы, после которых он ожидал аплодисментов, были рассчитаны»²². Такое же впечатление осталось у Александра Нагловского. «Слугой своего ораторского таланта» окрестил Троцкого его бывший единомышленник Михаил Покровский (см. в наст. антологии).

Непросто судить о том, какие образы Троцкого преобладали в восприятии «простых людей». Жителю Минска Иосифу Голубеву принадлежат, возможно, самые интересные характеристики. 14 и 19 июля 1918 года, находясь в Москве, он оставил следующие записи:

«Как хорошо говорил товарищ Троцкий, я еще нигде не слышал такого оратора, пожалуй, и не придется. Все разъяснил подробно и справедливо, я не заметил, как прошло 3 часа непрерывной речи. <...> Как приятно видеть тов. Троцкого, первого комиссара по военному ведомству и флоту свободной России. Я остался очень доволен, слушая лекции тов. Троцкого. Насколько они приятны для рабочих, бедных крестьян. Пришел к себе в комнату вполне успокоенный, кажется, при таком положении и умереть не страшно за свободу дорогих товарищей <...>. Был на митинге и ораторствовал тов. Троцкий. Говорил прекрасно. <...> Но наши, быдло, а не люди, не дали говорить, да и тов. Троцкому очень мешали говорить, но он все-таки все сказал, что следует»²³.

Разумеется, политические оппоненты Троцкого интерпретировали ораторские таланты иначе. Так, в начале Граждан-

---

²¹ Цит. по: *Чернявский Г. И.* Троцкий. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 67.

²² *Солский В.* 1917 год в Западной области и на Западном фронте. Мн.: Тесей, 2004. С. 184.

²³ «Счастье мое...»: Дневники Иосифа Голубева. 1916–1923 годы. Мн.: Энциклопедикс, 2002. С. 131.

ской войны Виктор Чернов, комментируя заявление Троцкого на Брест-Литовских мирных переговорах об отказе заключить мир и демобилизации, заявил: «Когда, бывало, еще 1905 г. надо было победоносным видом и трескучими фразами прикрыть полный провал... Он “в сих делах — портной без узелка”»: так шьет, что нитка в шву не остается, а насквозь проходит, да с такой грацией и легкостью, что любо-дорого»²⁴. Наблюдается закономерность: чем сильнее антипатия к Троцкому, тем менее авторы были склонны выходить за рамки описания наиболее общего впечатления. Например, Иван Куторга, известный своими комментариями ораторских способностей многих политических деятелей, ограничился в случае Троцкого категорическим суждением:

«Троцкий, которого я слышал уже искушенным посетителем политических собраний, поразил меня тем чудовищным запасом ненависти, которую излучал из себя настоящий демон революции. Уже тогда в нем чувствовалось нечто действительно страшное. Помню, я также был поражен его диалектическими способностями. На крестьянском съезде он выступал среди предельно враждебной ему аудитории. Казалось, большевистский оратор не сможет сказать ни одного слова. И действительно, вначале оборончески и эсеровски настроенные делегаты прерывали Троцкого на каждом слове. Через несколько минут своей находчивостью и страстностью Троцкий победил аудиторию настолько, что заставил себя слушать. А окончив речь, он даже услышал аплодисменты»²⁵.

Семен Либерман, чьи воспоминания включены в настоящую антологию, свидетельствовал о схожем случае переубеждения Троцким враждебного ему большинства.

Историк и экономист Саул Боровой, родившийся в 1903 году в Одессе, хотя, по его собственным словам, видел Троцкого «только два раза и совсем недолго», тем не менее оставил одни из самых любопытных свидетельств:

«На так называемом Куликовом поле он выступал, стоя на броневике, перед частями Одесского гарнизона. Помню его слова: “Пусть знают наши соседи и соседи наших соседей”, что мы не боимся угроз... и далее в таком же духе. Это было примерно в 1924 г. <...>

---

²⁴ Чернов В. На авось // Дело народа. 1918. 1 (14) февраля.

²⁵ Куторга И. Ораторы и массы. Риторика и стиль политического поведения в 1917 году // Независимая газета. Фигуры и лица. 2000. № 6 (48).

Через день-два я случайно увидел Троцкого, когда он проезжал в открытой машине. Мне запомнился хищный оскал его лица, толстые губы, а под ними борода. В его лице было что-то злое, жестокое, я бы сказал, “мефистофельское”. Честолюбец, глубоко презирающий всех, на все готовый ради броской фразы, эффектной позы. Таким он мне тогда показался, и таким я его навсегда запомнил.

Это находилось в несоответствии с его фигурой, такой заурядной: коротконогой, с явно выпирающим брюшком. Словом, вид не слишком интеллигентного еврея, если бы не, повторяю, этот запоминающийся хищный оскал.

Это ощущение пришло не позже, когда по его адресу раздавались самые страшные обвинения, а уже тогда, когда еще всюду висели его портреты, когда он еще числился среди “вождей”²⁶.

Зловещий демон-Мефистофель служил стереотипным образом Троцкого практически с первых дней его широкой известности. Так, в 1917 году Зинаида Гиппиус пересказывала слова общественного деятеля Манухина о жене известного меньшевика Николая Суханова, которая, по словам писательницы, «демонскими глазами Троцкого пленилась». Не скрывая своей юдофобии, Гиппиус вспоминала Галину Суханову только в связи с ее «влюбленностью» в «демонские очи Троцкого»²⁷. Михаил Булгаков в романе «Белая гвардия» назвал Троцкого демоном Аггадоном и пытался сохранить этот мотив в пьесе для советских театров. Но еще раньше, в ноябре 1919 года, он писал для газеты «Грозный»: «Герои-добровольцы рвут из рук Троцкого пядь за пядью русскую землю. <...> придется много драться, много пролить крови, потому что пока за зловещей фигурой Троцкого еще топчутся с оружием в руках одураченные им безумцы, жизни не будет, а будет смертная борьба»²⁸. Не случайно и в других пропагандистских нарративах Троцкому придаются откровенно сатанинские черты. В романе, изданном в 1924 году, один из «белых» военных лидеров Петр Краснов писал: «В прекрасной, наглухо застегнутой кожаной куртке с отложным воротником, с гордо поднятой головкой в пенсне — Лейба Бронштейн. <...>

²⁶ Боровой С. Воспоминания. М., Иерусалим: Евр. ун-т в Москве, 1993. С. 356.

²⁷ Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 8. Дневники: 1893–1919. М.: Русская книга, 2003. С. 337, 363, 379.

²⁸ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. Дьяволиада. М.: Голос, 1995. С. 86.

Натянуто сидел Бронштейн, и острый взор из-под пенсне следил за каждым из нас»²⁹. Герой Краснова «вспомнил, как слушал речи Зиновьева и Троцкого, как в образе дьявола представилось ему на красной звезде лицо Троцкого, и понимал, что... правы те, кто верит в силу бесовскую». Автор романа в другом месте развивает этот «бесовской» мотив:

«Как видение, стала перед Федором Михайловичем кроваво-красная звезда, и в ней лицо Троцкого.

Согнулся крючковатый нос, из вьющихся волос проступили маленькие, острые рожки, скривился в презрительно-саркастическую улыбку рот.

Дьявол!.. “Сатана там правит бал!”»³⁰.

Борьба с «троцкистской» оппозицией в большевистской партии справедливо называется историками «демонизацией»³¹. Поколение советских детей испытало на себе влияние повести Алексея Толстого «Хлеб», которая была написана в 1937 году (и вошла в собрание сочинений 1947 г.) и рекомендовалась для чтения в средней школе. Описывая — и фальсифицируя — историю переговоров в Брест-Литовске, классик соцреализма нарисовал характерный портрет «предателя» Троцкого: «...с волчьим лбом, татарскими усиками, черной — узким клинышком — бородкой, стоял в щегольской визитке, боком к столу, подняв плечи супрематическим (!) жестом, — похожий на актера, загримированного под дьявола»³². Такой образ должен был вызывать отторжение, особенно среди детей. В то же время Троцкий здесь — это «актер, загримированный под дьявола», то есть отчасти юмористическая фигура позера в «щегольской визитке»³³. Толстой был первым

---

²⁹ Краснов П. Н. Понять — простить. [Берлин]: Медный всадник, 1924. С. 112.

³⁰ Там же. С. 223.

³¹ См. изучение риторических практик демонизации внутрипартийной оппозиции в большевистской партии: *Halfin I. Intimate Enemies. Demonizing the Bolshevik Opposition, 1918–1928*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2007.

³² Толстой А. Хлеб (Оборона Царицына). М.: Гос. изд.-во детск. лит-ры, 1950. С. 25.

³³ В дни первого Московского процесса литературный критик и пропагандист Н. Изгоев назвал Троцкого «кровавым позером» и «самовлюбленным Нарциссом, всю жизнь примерявшим к себе фарсовые и трагические ходули» (*Изгоев Н. Последнее слово // Известия. 1936. 24 августа*).

крупным писателем, проделавшим путь от неприятия большевизма к олицетворению собой «сменовеховского» движения: вначале стал редактором литературного приложения берлинской газеты «Неделя», а затем вернулся в Советскую Россию в надежде на постепенное «перерождение» советской власти (и это обеспечило стойкую антипатию к Троцкому). Толстой пользовался огромными привилегиями, среди которых был открытый доступ к эмигрантской литературе, поэтому образ «актера» («артиста» у Марка Алданова) мог родиться из того же культурного контекста, в котором актером величали Александра Керенского³⁴. Прямые аналогии между Троцким и Керенским проводят такие разные авторы, как Павел Муратов и Михаил Покровский (см. в наст. антологии). Еще ранее, в 1920 году, Андрей Платонов назвал Троцкого «революционером-артистом» на страницах провинциальной газеты «Красная деревня»³⁵, как и Михаил Нильский в своих воспоминаниях, публикуемых в настоящей антологии. Этих авторов не случайно объединяло схожее восприятие Троцкого.

И демон-мефистофель, и актер-артист скрывают свою сущность и намерения, они играют роли, лицедействуют, выдают себя за других³⁶. Пропагандистский текст Сергея Ауслендера о Троцком, представленный в данном сборнике, начинается с описания

---

³⁴ Об образе министра-актера Керенского см.: *Колоницкий Б. И.* Керенский как «новый человек» и новый политик: К изучению генеалогии культа личности // Человек и личность в истории России (Конец XIX — XX век): Материалы международного научного colloquiuma. Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 года. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 262–274. Более подробно этот сюжет рассмотрен в книге Б. И. Колоницкого «“Товарищ Керенский”: Антимонархическая революция и начало формирования культа вождя народа (март-июнь 1917 года)», выход которой предполагается в 2017 г. в издательстве «Новое литературное обозрение».

³⁵ Троцкий, писал Платонов, «революционер-артист, гордый, острый дух революции, страсть восстания и ненависти, воин чести и справедливости — вождь победы» (*Платонов А. П.* Чутье правды. М.: Советская Россия, 1990. С. 69).

³⁶ Абрам Гоц, видный эсер, председатель Комитета спасения Родины и Революции, писал: «Поймите же, господин Троцкий, что вы в своем стремлении копирования Робеспьера, топтать свободу мысли, издеваться над правами гражданина, надругаться над элементарными завоеваниями революции, — не страшны, а только жалки. Вы, г. Троцкий, — не террорист французской революции, а просто российский озорник» (*Гоц А. Р.* Клеветникам // Дело народа. 1917. 3 ноября).

реакции на портрет Троцкого: «Какая-то старуха в теплом, рваном платке долго слезящимися глазами разглядывала сатанинский облик, перекрестилась и заплевалась: “Тьфу, тьфу, окаянный, последние антихристовы времена пришли, вместо икон какую-то нечисть показывают...”». Александр Куприн вывел свою «характеристику» Троцкого на основе впечатления от «большого поясного портрета» Троцкого, который он якобы увидел у приятеля в Петрограде. Разумеется, нет ничего удивительного, что разные авторы упоминали визуальные изображения Троцкого.

Один из героев повести Платонова «Сокровенный человек», отвечавший за пропаганду в годы Гражданской войны, «исчитал все плакаты и тащил газеты из агитпункта для своего осведомления». На одном из плакатов Троцкий был изображен в образе Георгия Победоносца, и это заставило героя, «ревниво следившего за революцией, стыдящегося за каждую ее глупость» испытать удручение: «Один плакат перемалевали из большой иконы — где архистратиг Георгий поражает змея, воюя на адовом дне. К Георгию приделали голову Троцкого, а змею-гаду нарисовали голову буржуя; кресты же на ризе Георгия-Победоносца зарисовали звездами, но краска была плохая, и из-под звезд виднелись опять-таки кресты»³⁷. Скорее всего, Платонов выразил свое отношение к стилистике подлинного плаката, на котором кресты могли виднеться лишь метафорически. Любопытно и то, что герой Платонова рассказывал красноармейцам о «Троцком, которого никогда не видел», потому что он, «не видя удовольствия в жизни, привык украшать ее геройскими рассказами, и всем становилось от того веселей»³⁸.

Полковник Генерального штаба Иван Фокке, участвовавший в качестве военного консультанта в мирных переговорах в Брест-Литовске, вспоминал, что когда ему представили Троцкому, лицо наркома ему уже было «известно по многим фотографиям и портретам». Отметив, что «у себя в кабинете и в присутствии очень немногих лиц, Троцкий держался спокойно, [был] неразговорчив и деловит», Фокке объяснил «спокойствие и выдержку этого комиссара с громкой репутацией “огненного” вождя» тем,

³⁷ Платонов А. Сокровенный человек / Происхождение мастера. М.: Федерация, 1929. С. 111.

³⁸ Там же. С. 123.

что «герой большевизма не только заседал, но и позировал. В его кабинете, за занавеской помещался скульптор (как мне говорили, Гинцбург), спешивший по заказу правительства увековечить Льва Давидовича»³⁹. Хотя Илья Гинцбург действительно участвовал в осуществлении плана монументальной пропаганды, маловероятно, что он работал над скульптурой «огненного вождя». Впрочем, для художника и писателя Юрия Анненкова предложение написать большой портрет народного комиссара военно-морских дел к пятилетию Красной армии послужило основанием для создания одного из самого интересных мемуарных нарративов о Троцком. В настоящей антологии также приводятся воспоминания Михаила Нильского о трагикомическом эпизоде ноябрьской демонстрации 1927 года, когда оппозиционные вожди защищали свои портреты от сторонников «генеральной линии» партии.

В мировой литературе известны мотив и сюжет «ожившего портрета», которые в России впервые концептуально применил Николай Гоголь в повести «Портрет» (1835, 1842). Куприн решил не «оживлять» картину Троцкого (и тем более — не давать ему голоса и субъектности), хотя ранее он использовал этот прием в своих новеллах «Психея», «Безумие» и др.

Наоборот, Владимир Нарбут, воспитанный в той же культуре поэт-акмеист, так начинал свое стихотворение «ЧЕКА» (1920):

Оранжевый на солнце дым
и перестук автомобильный.
Мы дерево опередим:
отпрыгни, граб, в проулок пыльный.
Ключей проволоки низ
лоскут схватил на повороте.
— Ну что, товарищ?
— Не ленись,
спроси о караульной роте.
Проглатывает кабинет,
и — пес, потягиваясь, трется
у кресла кожаного.
Нет:
живой и на портрете Троцкий!⁴⁰

³⁹ Фокке Д. Г. На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии // Архив русской революции. Т. 30. Берлин, 1930. С. 65.

⁴⁰ Нарбут В. Стихотворения. М.: Современник, 1990. С. 216.

В несколько иных масштабах, чем Нарбут, работал в пропаганде и Платонов. В антологии приведена его юмористическая газетная заметка 1923 года, ориентированная на крестьян и будущих красноармейцев.

Не менее яркий пример обращения к приему «оживления изображения» представлен в фельетоне Булгакова «Московские сцены», написанного в 1923 году для упомянутого выше литературного приложения газеты «Накануне». Автор описал сцену застолья в квартире, хозяин которой активно приспосаблился к новому режиму: «В столовой он повесил портрет Маркса, а в комнате кузена над великолепным зеркальным желтым шкафом кнопками прикрепил Л. Троцкого. Троцкий был изображен en face, в пенсне, как полагается, и с достаточно благодушной улыбкой на губах. Но лишь хозяин впился четырьмя кнопками в фотографию, мне показалось, что председатель Реввоенсовета нахмурился. Так хмурым он и остался». Во время застолья, иронизировал писатель, хозяин злоупотреблял «советской» риторикой, и после повторного произнесения им слова «вождь», Булгакову тут же «совершенно явственно показалось, что судорога прошла по лицу фотографического Троцкого и губы его расклеились, как будто он что-то хотел сказать. То же самое, вероятно, почудилось и хозяину, потому что он смолк внезапно и быстро перевел речь»⁴¹. Разумеется, все, что было связано с портретом, стремительно теряло актуальность по мере удаления Троцкого с политического Олимпа. Надежда Иоффе вспоминала, что бывшему председателю Реввоенсовета посвящали стихи, в которых звучали и такие строчки: «Опортреченных повсюду бескороновый король» (см. в наст. антологии). Таким образом, важным компонентом культурной памяти о Троцком стала «плакати́зация» его образа.

Биографический нарратив изначально испытывал огромное воздействие тогда еще новой науки о психической деятельности (к ней, среди прочих, был равнодушен и Троцкий, сыгравший свою роль в развитии фрейдизма в СССР). Представляется, что именно его оппоненты неслучайно опирались на дискурс «психологии»⁴². Яркой иллюстрацией предстает известная поэтесса

⁴¹ Булгаков М. А. Собр. соч.: В 10 т. Т. 1. Дьяволиада. М.: Голос, 1995. С. 249–250.

⁴² 29 декабря 1917 г. Н. С. Русанов, авторитетный эсеровский деятель с амбициями теоретика, опубликовал на первой странице центрального органа

Зинаида Гиппиус, одна из самых часто цитируемых свидетельниц революции, чьи дневники пользуются традиционным вниманием читателей. 1 декабря 1917 года Гиппиус писала в своих «Черных тетрадах»: «Игра ведется до такой степени в руку Германии, и так стройно и совершенно, что, по логике, приходится признавать и агентуру Ленина. О Троцком — ни у кого нет сомнений, тут и логика, и психология»⁴³.

Чуждый декадентству, врач Григорий Зив с первых же страниц своих воспоминаний активно оперирует естественнонаучным инструментарием, рассуждая о «психике» и даже «подсознательных» аспектах личности Троцкого. Так, по Зиву, во внутреннем мире Троцкого главенствовали не «познание» и «чувство», а «воля», поэтому, отказывая своему другу в способностях к «чувству», Зив описывает его через категории «властной природы» и «властного характера». Настойчиво используя этот мотив, Зив создал образ циника и прагматика, использующего людей в качестве средств для достижения своих целей⁴⁴.

Схожие мотивы встречаются в пропаганде большевиков. Так, брошюра Георгия Устинова «Трибун революции» (1920), история создания которой до сих пор плохо исследована, содержит небольшой раздел под характерным названием «Нездешняя сила». Там автор доводит свои апологетические гиперболы до предела, и важную роль при этом играют рассуждения о функции личности в безличном процессе: «В Троцком кристаллизировалась вся

Партии социалистов-революционеров статью с говорящим названием «“Их” души». Пронизанная морализмом, статья содержала риторические вопросы: «В самом составе большевистской партии, в психологии ее вожаков, в душе тех, кто наиболее усердно поддерживает новое правительство, есть стороны, от которых стала отвыкать молодая республиканская Россия... Не всякий большевик является деспотом, тираном, фразером, насильником, злобным, мелким человеком... Но почему лагерь большевиков столь изобилует тиранами...» (*Русанов Н. С. «Их» души // Дело народа. 1917. 29 декабря*).

⁴³ Гиппиус З. Н. Собр. соч. Т. 8. Дневники: 1893–1919. М.: Русская книга, 2003. С. 347.

⁴⁴ Любопытно и другое противопоставление: «Марксизм, — бесстрастно анализирующий социальный организм, выясняющий роль социальных групп в нем, социальные силы, движущие этот организм в том или ином направлении, — совершенно чужд всему психическому складу Троцкого, слишком занятого своей собственной личностью и ее именно ролью в истории данного момента».

психика революции, вся совесть, весь гнев, все великодушие, вся гордость, вся моральная сила масс, творящих революцию. И сладость побед, и мучительные страдания поражений. Троцкий — экстракт революции, ее лицо, ее душа. В то время как Ленин — ее кормчий, ее рулевой. Ее разум» (см. в наст. антологии).

Однако ссылки на «психологию» были более распространены в антибольшевистской пропаганде и публицистике. «В темном здании человеческой души есть один совсем темный уголок, где покоятся камни, из которых слагается психология Троцкого <...> в которых гнездится трясиная психология Троцкого», — писал Лев Войтоловский в статье, напечатанной до Октябрьского переворота.

Владимир Сольский, также представленный в данной антологии, выступал одним из ведущих публицистов берлинской эмигрантской газеты правозэсеровского направления. Статья Сольского, опубликованная в мае 1919 года, открывалась указанием на собственную проницательность: «С психологией Троцкого мы познакомились близко. Нам ясна до скуки вся его эстетически оскорбительная фигура. Ходульность, бестактность, холодная напыщенность, рассудочная жестокость, балаганная позировка, лживость, лицемерие, тупое равнодушие к делам совести и чести, наконец, внешнее отношение к великому содержанию нашего времени рисуют во весь его небольшой рост этого залитого кровью фигляра и шута. Его личность не вносит ни одной оригинальной черты в галерею его предшественников. И Плеве был палач, и Муравьев-вешатель был усмиритель. Разница в их фразах, но не в их презренном внутреннем убожестве»⁴⁵.

В другой статье Сольского говорится даже о «пустоте психологии» Троцкого (см. в наст. антологии). Ожесточение Гражданской войны наложило неизгладимый отпечаток на способность к различению особенностей, когда это касалось врагов. Даже в 1930 году, когда Троцкий был изгнан из СССР, ведущий эмигрантский публицист и редактор Марк Вишняк считал необходимым категорично заявить: «Ибо Троцкий прав: большевик — не только политическая категория, но и — особый психологический тип!.. В этом общем типе растворяются индивидуальные черты и Лени-

---

⁴⁵ Голос России. 1919. 18 (3) мая. Цит. по: Литература русского зарубежья. 1920–1940. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2004. С. 214.

на, и Троцкого, и Сталина и других большевиков. Каждый похож на каждого». Экс-большевик Александр Нагловский, ставший невозвращенцем и опубликовавший свои воспоминания в журнале Вишняка, наоборот, видел разницу в «психологии» даже между Троцким и «ленинцами», а ранее Сергей Дмитриевский подкреплял свою апологетику Сталина указаниями на его различия с Троцким в «психологии».

Как бы то ни было, следует констатировать очевидное: «психология» являлась для большинства авторов «служанкой» и оберточной для их — негативного или позитивного — восприятия Троцкого. Не случайно, что Михаил Шварц, автор первой эмигрантской брошюры, целиком посвященной идеям Троцкого, признал в итоге, что «еще не настал, по-видимому, момент для исчерпывающего и окончательного разрешения этой живой психологической загадки, какой является Троцкий». Уместно предположить, что инструментарий психологии как таковой едва ли пригоден в данном случае.

Разумеется, пресловутый «еврейский вопрос» имеет особое звучание в случае с Троцким. Не претендуя на раскрытие всей сложности этой проблематики, следует все же обозначить наиболее важные аспекты. В этом отношении, возможно, один из самых любопытных образов Троцкого, бытовавших в «советской» среде, нарисовал Зиновьев, выступая на заседании Петроградского совета 28 августа 1919 года. «Когда мы прочитали, что в Одессе, когда она была под Скоропадским, еврейские раввины собрались на специальном “соборе”, и там официально перед всем честным миром эти представители богатых евреев отлучали от еврейской синагоги таких евреев, как Троцкий, как я, ваш покорный слуга (*смех, аплодисменты*), и другие, то ни у кого из нас от горя не выросло ни одного седого волоса (*аплод.*). Мы смеялись по поводу этого зрелища...»⁴⁶.

Юлий Айхенвальд, находившейся в противоположном лагере, писал в 1918 году: «...“безбожные” Нахамкесы и Троцкие, эти недавние завсегдатаи всех европейских кафе, вовсе не служат типичными представителями еврейства». По мнению Айхенвальда,

---

⁴⁶ Зиновьев Г. Памяти тов. Урицкого // Зиновьев Г. Соч. Т. XVI: Основоположники и вожди коммунизма: биографические очерки. М., Пг.: Госиздат, 1924. С. 230.

«большевик интернационален, еврей — националист», а «Троцкий не правило еврейское, а, наоборот — исключение из еврейского правила»⁴⁷. Отказывался признавать еврея в Троцком и Семен Дубнов, чьи краткие заметки опубликованы в нашей антологии.

Нет нужды говорить о том, что Троцкий был (и остается) одной из любимейших мишеней для антисемитов. Василий Шульгин, «культовая» фигура русского национализма, «идейный» антисемит, выражал эти настроения в неприкрытой пропагандистской манере:

«С социализмом надолго покончено в России. Хотя Троцкий еще носится по всем фронтам, ободряя кровавое усердие юдаизированных чрезвычайцев, но он прекрасно знает, что его карта также бита. И так как он еврей, т. е. существо, в котором сатанинский ум может уживаться рядом с безнадежной тупостью, то он не выдумал ничего лучшего, как повторить “великий исход”, о котором повествует Библия. Его величество Лейба I во главе преданного ему народа собирается в страну, именуемую Монголией»⁴⁸.

Юдофобские мотивы охватывали не только читателей одиозных газет. Например, блестящий сатирик Аркадий Аверченко, работавший в белогвардейских пропагандистских изданиях, в скетче «Самое справедливое» представил воображению читателей «грандиозный провинциальный зверинец», надпись под одной из клеток которого гласила: «Троцкий из семейства Бронштейновых, гиена-гробокопательница...»⁴⁹. В другой зарисовке Аверченко повествовал, что по Москве ходил «список пьес, которые будут ставить по своему выбору власти в пользу голодающих», и Троцкому посвящалась одна под названием «Царь Иудейский»⁵⁰. Важно

---

⁴⁷ *Айхенвальд Ю.* Наша революция: Ее вожди и ведомые. М.: Революция и культура, 1918. С. 20–21.

⁴⁸ Далее Шульгин писал: «Пожелаем же скорого пути избранному из избранного народа и надеемся, что пространствовав сорок лет где-нибудь в пустыне Гоби или Шамо, досточтимый Лев Маркович (! — А. Р.) вынесет своему племени новые скрижали со старыми заповедями, гласящими: Бог еврейский так же, как и Бог русский, грозно карает воров, грабителей и убийц, хотя бы они назывались социалистами» (*Шульгин В.* Годовщина // Киевлянин. 1919. 28 августа).

⁴⁹ *Аверченко А. Т.* Собр. соч. В 14 т. Т. 11. Салат из булавок. М.: Изд-во Дмитрий Сечин, 2015. С. 478.

⁵⁰ Там же. С. 577.

отметить, что при этом не столь важно, был ли сам Аверченко антисемитом, сколько то, что его скетчи встраивались в устойчивый ксенофобский нарратив. В контексте многостороннего конструирования «еврейства» не следует удивляться известному фрагменту воспоминаний некоего З. Ю. Арбатова, опубликованных в 1922 году в многотомном эмигрантском «Архиве русской революции» и, что особенно любопытно, процитированных Троцким в его автобиографии. Арбатов рассказывал о событиях после очередного взятия Екатеринослава силами Красной армии:

«Заехавший к нам повидаться казак, кем-то умышленно уязвленный тем, что ныне служит и идет на бой под командой “жида Троцкого”, горячо и убежденно возразил:

— Ничего подобного! Троцкий не жид... Троцкий боевой!.. Наш!.. Русский!.. А вот Ленин, тот — коммунист... жид, а Троцкий — наш... боевой... русский!.. Наш!»⁵¹.

Александр Боярчиков, чьи воспоминания о Троцком, реальные или ложные, приводятся на страницах этой книги, отнес первые из них к эпизоду о диалоге, состоявшемся в 1917 году между пассажирами конки, в ходе которого студент не согласился с дьяконом, противопоставившего «иудея» Троцкого «русским» и «православным».

В межвоенные годы европейские евреи становились объектами для конструирования самых иррациональных и чудовищных фобий современности. За год до начала Второй мировой войны, откликаясь на рост антисемитизма, философ Николай Бердяев не случайно обратился к образу Троцкого:

«...Неверно и то, что Россией правят евреи. Главные правители не евреи, видные еврей-коммунисты расстреляны или сидят в тюрьмах. Троцкий есть главный предмет ненависти. Евреи играли немалую роль в революции, они составляли существенный элемент в революционной интеллигенции, это совершенно естественно и определялось их угнетенным положением. Что евреи боролись за свободу, я считаю их заслугой. Что и евреи прибегали к террору и гонениям, я считаю не специфической особенностью

---

⁵¹ Арбатов З. Ю. Екатеринослав 1917–22 гг. // Литература русского зарубежья: Антология. Т. 1. Кн. 2. М.: Книга, 1990. С. 113. Широко известно утверждение Керенского, что в дни Октябрьского переворота он увидел на стене лозунг «Дорой жида Керенского, да здравствует Троцкий».

евреев, а специфической и отвратительной особенностью революции на известной стадии ее развития. В терроре якобинцев евреи ведь не играли никакой роли. Я вспоминаю, что в годы моего пребывания в Советской России, в разгар коммунистической революции еврей — хозяин дома, в котором я жил, при встрече со мной часто говорил: «Какая несправедливость, вы не будете отвечать за то, что Ленин русский, я же буду отвечать за то, что Троцкий еврей»⁵².

Ксенофобия по отношению к Троцкому принимала не только национальное обличие, но и культурное — как к одному из «чуждых» русской традиционной культуре большевику. К примеру, это можно понять из текста лекции, прочитанной Иваном Буниным в Одессе 20 сентября и 3 октября 1920 года. В ней автор «Окаянных дней» эмоционально комментировал одну фразу Троцкого⁵³ следующим образом: «Строки эти принадлежат одному из главнейших представителей “рабоче-крестьянской власти”, царствующей в Кремле, — о, Бог мой, эта власть — какая это стократная нелепость, какой архииздевательский хохот над одурманенной, черту душу продавшей Россией! — строки принадлежат Троцкому и звучат, как видите, очень уверенно. Однако, только в одном прав Троцкий: подлый зверь, слепой, но хитрый и когтистый крот в самом деле недурно рылся под Кремль, благо почва под ним еще рыхлая, — в остальном Троцкий ошибается. Старые владыки Кремля, его законные хозяева, его кровные отцы и дети, строители и держатели русской земли, в гробах перевернулись бы, если бы слышали Троцкого и знали, что сделали над русской землей его сообщники...»⁵⁴. Едва ли будет преувеличением предположить, что мысли Бунина были созвучны многим представителям российской

---

⁵² Бердяев Н. Христианство и антисемитизм (религиозная судьба еврейства) // Путь. 1938. № 56. С. 18.

⁵³ «Цари и попы — старые владыки московского Кремля — никогда, надо полагать, не предчувствовали, что в его седых стенах соберутся представители самой революционной части современного человечества. Однако, это случилось. В одной из зал дома судебных установлений, где еще бродят унылые тени уголовных статей царского уложения, ныне заседают делегаты Третьего Интернационала. Поистине, крот истории недурно рыл свои ходы под кремлевскими стенами» (Троцкий Л. «Великое время» // Коммунистический интернационал. 1919. № 1. С. 69–70).

⁵⁴ Бунин И. Великий дурман // Южное слово. 1919. 30 ноября; Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов. М.: Наследие, 1998. С. 50–51.

интеллигенции, тем более — в эмиграции. Более того, Николай Бердяев поражался, «до чего Троцкий чужд всем умственным и духовным течениям своей эпохи». Представление о несовместимости — культурной, «кровной» — образов Троцкого и России развил в «национал-патриотическом» направлении Сергей Дмитриевский, предтеча современного «патриотического» сталинизма, имеющего широкое распространение в популярной литературе.

Многие принципиальные враги Троцкого были готовы признать его таланты. Возможно, одна из лучших формулировок принадлежит Вишняку: «Пределно отвергая Троцкого, ненавидя и борясь с ним, надлежит все же отдать ему то, что ему принадлежит. Умалая своих врагов, одержавших над ним пусть исторически кратковременную и иллюзорную победу, но все же победу, мы умалеем не только них, но и самих себя, претерпевших поражение от ничтожества. Морально — за единичными исключениями буквально, большевики стоят друг друга, все одинаково ничтожны. Но интеллектуально — они все-же “разнствуют во славе”, как бы призрачна ни была она»⁵⁵. Но, заимствуя выражения Вишняка, «разнствовавали» в своих оценках и те, кто «претерпел поражение».

Кто-то, подобно философу Льву Карсавину, кратко признавали Троцкого «человеком талантливым»⁵⁶. Философ, деятель революции 1917 года, Федор Степун вспоминал «импрессионистически-острого и надменно-умного Троцкого». Даже много лет спустя он воспроизводил по памяти яркий образ ненавистного ему политика: «...умный, горячий и смелый оратор, с криво сидящим на нервных ноздрях пенсне и демонически-петушиной шевелюрой»⁵⁷. Другой философ, Иван Ильин, вряд ли видевший Троцкого вживую, характеризовал его следующим образом: «Троцкий умен, выдержан, прекрасный актер, глубоко беспринципен, тактически большой ловкач...»⁵⁸. Фокке, военный консультант советской делегации в Брест-Литовске, признавал, что «Троцкий очень тщательно

⁵⁵ Вишняк М. Герои нашего времени // Современные записки. NXLII. 1930. С. 463.

⁵⁶ Карсавин Л. П. Россия и евреи // Версты (Париж). 1928. № 3. С. 67.

⁵⁷ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. СПб: «Алетейя», «Прогресс»-«Литера», 1994. С. 345, 389.

⁵⁸ Ильин продолжил «...думаю, что он — давнишний сотрудник немцев». Цит. по: Соколов В. В. Вожди и герои в пропаганде и общественном мнении Стра-

готовился к заседаниям и работал усидчиво. До поздней ночи в его комнате горел огонь, и туда поминутно призывались отдельные члены делегации и консультанты, с которыми происходила принципиальная разработка затрагиваемых на заседаниях разнообразных вопросов»⁵⁹. В характеристиках Зива соседствовали указанные выше ссылки на аморализм с признанием «природной ловкости, сообразительности и находчивости». Василий Гроссман, человек другого поколения, в своем главном романе упоминал Троцкого как «блестящего, бурного, великолепного» и «почти гениального»⁶⁰.

В контексте ключевого нарратива о жизни Троцкого — его смертельного противостояния со Сталиным — особое место занимает оценка, которую дал Сталин в первую годовщину октябрьского переворота в статье с одноименным названием. Говоря о «роли и значении выдающихся деятелей партии», Сталин констатировал: «Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета т. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного Комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому»⁶¹. В одном из своих выступлений в 1919 году скупой на похвалу Лев Каменев, стремясь подчеркнуть «степень напряженности» первых дней большевиков у власти, вспоминал, что однажды Троцкий, «не отходивший от телефона, отдававший распоряжения нашим комиссарам на железных дорогах... побледнел, задохнулся и упал на пол. Когда мы привели его в чувство, оказалось, что этот упадок сил объясняется тем, что он вторые сутки не имел времени ничего перекусить»⁶². Николай Бухарин более Сталина позволял себе подобные дифирамбы в текстах о подготовке Октябрьского восстания: «В центре

ны Советов. 1918–1925. Орел, 2013. С. 223. Соколов дал ссылку на дневник А. А. фон Лампе, хранящийся в ГАРФ.

⁵⁹ *Фокке Д. Г.* На сцене и за кулисами Брестской трагикомедии // Архив русской революции. Т. 30. Берлин, 1930. С. 138.

⁶⁰ *Гроссман В. С.* Все течет. Frankfurt/M.: Посев, 1970. С. 185.

⁶¹ *Сталин И.* Октябрьский переворот // Правда. 1918. 7 ноября.

⁶² *Каменев Л.* Как произошла организация первого в мире рабоче-крестьянского правительства // Первый народный календарь на 1919 г. Союза коммун Северной области. Пг., 1919. С. 82.

этой мобилизационной работы стоял Петербургский Совет, который демонстративно выбрал своим председателем Троцкого, самого блестящего трибуна пролетарского восстания», «Троцкий, блестящий и мужественный трибун восстания, неутомимый и пламенный проповедник революции»⁶³. Но в том же году, когда вышло переиздание процитированной брошюры, Бухарин сделал свой выбор в пользу политического союза, направленного против «трибуна» революции (см. тексты Каменева, Зиновьева, Молотова и Мартынова в наст. антологии). К тому же пришли многие однопартийцы, писавшие ранее комплементарные и хвалебные тексты: среди них опубликованные в настоящем сборнике тексты Анатолия Луначарского, Демьяна Бедного, Владимира Невского, Карла Радека и Емельяна Ярославского⁶⁴.

---

⁶³ Бухарин Н. От крушения царизма до падения буржуазии. Харьков, 1923. С. 131, 138.

⁶⁴ Ярославский, незадолго своего превращения в одного из самых грубых «борцов с троцкизмом», успел дать одну из самых хвалебных оценок ранней литературной деятельности Троцкого:

«Блестящая литературно-публицистическая деятельность т. Троцкого составила ему всемирное имя “короля памфлетистов”: так называет его английский писатель Бернад Шоу. Кто следил в течение четверти века за этой деятельностью, тот должен был убедиться, что особенно ярко этот талант памфлетиста и полемиста развился, вырос и расцвел за годы нашей пролетарской революции. Но и на заре этой деятельности уже заметно было, что пред нами глубочайшее дарование: Все газетные статьи его проникнуты были одухотворенностью, все они выделялись образностью, красочностью хотя писать приходилось в цензурных тисках царского самодержавия, уродовавших и смелую мысль и смелую форму всякого, кто хотел вырваться из этих тисков и подняться над уровнем обывательщины. Но так велики были назревавшие подпочвенные силы, так сильно чувствовалось биение сердца пробуждавшегося народа, так остры были возникавшие противоречия, что никакие цензоры не смогли заглушить творчество таких ярких индивидуальностей, какой была уже в то время фигура Л. Д. Троцкого.

Вероятно, многие видели довольно широко распространенный снимок юноши Троцкого, когда его отправляли в первую ссылку в Сибирь: эта буйная шевелюра, эти характерные губы и высокий лоб. Под этой шевелюрой, под этим высоким лбом, уже тогда кипел бурный поток образов, мыслей, настроений, иногда увлекавших т. Троцкого несколько в сторону от большой исторической дороги, заставлявших его иногда выбирать или слишком далекие обходные пути или наоборот идти неустрашимо напролом там, где нельзя было пройти. Но во всех этих исканиях перед нами был глубочайше преданный революции человек, выросший для роли трибуна, с остро, отточенным и гибким, как сталь, языком разящим противников

Порой признание выдающихся способностей Троцкого со стороны самых разных деятелей выражалось в весьма замысловатых формах. Алексей фон Лампе, военный агент барона Врангеля в Венгрии, называл Троцкого не иначе как «поганим жидом» и, вероятно, был несколько удивлен оценкой Троцкого, которую дал ему правитель Венгрии Миклош Хорти во время встречи 23 марта 1921 года: «...если бы вообразить Троцкого, приглашенного в его комнату и получившего задачу сделать путем пропаганды китайского императора королем французов, то тот подсчитал бы на бумаге и потом бы объявил, что это будет стоить 375.000.000 золотом, то он это выполнил бы! Он подчеркнул свою веру в силу пропаганды!»⁶⁵. Несмотря на анекдотичность формы, представляется, что фон Лампе не случайно записал в дневник эти слова, соглашаясь с оценкой «успешного» контрреволюционного деятеля. «Он — сверхчеловек, сверхаферист, сверхпреступник», — писал Сергей Ауслендер в своей пропагандистской брошюре, фрагменты которой включены в настоящую антологию.

Историк Саул Боровой (1903–1989), которого можно назвать живым ровесником века, в своих воспоминаниях представил попытку оценки Троцкого без оглядки на личную антипатию к нему:

«В одно архивное дело была вшита пачка писем Л. Д. Троцкого, написанных в одесской тюрьме и адресованных его невесте — Соколовской. Эти письма не попали по назначению и были задержаны тюремным начальством. Я, может быть, был первым и единствен-

---

и пером пригоршнями художественных перлов рассыпающим богатство мысли. Пишущему эти строки рассказывал в 1903 г. покойный народоволец Н. Н. Фрейлих, какое глубокое впечатление на него и других народовольцев произвел Троцкий в ссылке одним из своих нелегальных докладов, именно этой красочностью, яркостью, истовостью.

<...>

Свой протест против пессимизма размагниченной русской интеллигенции т. Троцкий обосновал позже. Не словом, а делом обосновал он его, плечом к плечу с революционным пролетариатом великой пролетарской революции. Нужно было много сил для этого. Сибирская деревня не убила в нем эти силы: она лишь больше убедила его в необходимости коренной, до основания, ломки всего этого строя, при котором возможны описанные им факты» (Ярославский Е. Л. Д. Троцкий — Антид Ото: Литературная деятельность Л. Д. Троцкого в Сибирской газете «Восточное Обозрение» в 1900–1902 гг. // Сибирские огни. № 1–2. 1923. С. 113–126.)

⁶⁵ Алексей фон Лампе — военный агент барона Врангеля в Венгрии. Сб. док. М.: АИРО-XXI, 2012. С. 30.

ным человеком, который их прочел, — за исключением, понятно, “властей”, которые распорядились задержать письма. В них, наряду с обычными излияниями тоскующего по невесте юноши, многословно говорилось, какое он испытывает удовлетворение, что посвятил жизнь борьбе за высокие идеалы, будет всегда им верен и т. д. Но обо всем этом писалось в выпяченном, ходульном тоне. В них было столько самолюбования, позерства, я бы сказал, дешевой литературщины. Создавалось впечатление, что письма явно рассчитаны стать достоянием не только адресата, но более широкого круга друзей-единомышленников.

Трудно было предположить, что автор этих литературно беспомощных, наивно-провинциальных писаний станет вскоре прославленным, высокого профессионального уровня литератором, замечательным публицистом, блестящим оратором»⁶⁶.

Восприятие Троцкого представителями творческих профессий является еще одной большой темой, ждущей своих исследователей. Известно мнение известного историка литературы Дмитрия Святополк-Мирского, утверждавшего в 1925 году, что Троцкий «немногим более чем воодушевленный и ловкий полемист», стиль которого — «неряшливый, газетный, изуродованный обычным большевистским жаргоном», а язык его можно считать русским только в самом широком смысле слова⁶⁷. Далекое не все современники согласились бы с такой оценкой. Так, Максим Горький в письме Всеволоду Иванову 25 августа 1922 года писал, что Троцкий как публицист «после Герцена — это лучший русский публицист. И вообще, и всячески талантлив, к тому же — благороден. Большой человек, хотя и “не моего романа герой”, ибо в его страстности — на мой взгляд — слишком много чувства мести, и я боюсь, что это чувство несколько искусственно раздуто у него. А все же — красавец»⁶⁸. В публицистике Горького, приведенной в настоящей антологии, можно увидеть эволюцию отношения иконы социалистического реализма к «лучшему русскому пу-

---

⁶⁶ *Боровой С.* Воспоминания. М., Иерусалим: Евр. ун-т в Москве, 1993. Автор имеет в виду письма, хранящиеся в Государственном архиве Одесской области Украины.

⁶⁷ *Святополк-Мирский Д.* История русской литературы. Новосибирск, 2005. С. 801.

⁶⁸ *Горький М.* Полное собрание сочинений. Письма в двадцати четырех томах. Т. 14. Письма 1922 — май 1924. М.: Наука, 2009. С. 78.

блицисту». Юрий Анненков, напротив, за четыре десятка лет после встречи с Троцким не изменил своего взгляда, окрестив его «интеллигентом в подлинном смысле слова».

Известно, что с 1922 года Троцкий целенаправленно общался с ведущими поэтами, писателями и художниками, а также деятельно способствовал дискуссиям по вопросам литературы и быта⁶⁹. Редким свидетельством того впечатления, которое мог оказать Троцкий на своих собеседников, служит письмо Бориса Пастернака Брюсову 15 августа 1922 года:

«...вызвал меня к себе Троцкий. Он более получаса беседовал со мною о предметах литературных, жалко, что пришлось говорить главным образом мне, хотелось больше его послушать, а надобность в такой декларативности явилась не только от двух-трех его вопросов, о которых — ниже; потребность в таких изъяснениях вытекала прямо из перспектив заграничных, чреватых кривотолками, искажениями истины, разочарованиями в совести уехавшего.

Он спросил меня (ссылаясь на “Сестру” и еще кое-что, ему известное) — отчего я “воздерживаюсь” от откликов на общественные темы. Вообще он меня очаровал и привел в восхищение, надо также сказать, что со своей точки зрения он совершенно прав, задавая мне такие вопросы»⁷⁰.

Восхищенный поэт не скоро изменил свое отношение к Троцкому и выражал его подчас своеобразным образом. В письме Горькому 30 августа 1928 г. он назвал только что приехавшего в СССР писателя «высочайшим авторитетом страны и времени», что было «редкостью со времени Вашего отъезда и смерти Ленина и несчастий с Троцким»⁷¹. На тот момент Троцкий уже был подвергнут остракизму, исключен из партии и выслан в Алма-Ату.

В то же время нельзя утверждать, что образ Троцкого был широко распространен в литературных произведениях: скорее наоборот, он отсутствует, примерно в той же степени, что и образ

---

⁶⁹ См.: Резник А. В. Троцкий и товарищи: левая оппозиция и политическая культура РКП (б), 1923–1924 годы. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017.

⁷⁰ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. Т. VII. Письма 1905–1926. М.: СЛОВО/SLOVO, 2005. С. 398.

⁷¹ Там же. С. 221–221.

Ленина до начала строительства посмертного культа. Составить полную «Троцкиану» в этом отношении — большая и сложная исследовательская задача. Подчас непросто обнаружить первые варианты произведений даже известных произведений, хотя это возможно, о чем свидетельствуют тексты Булгакова и Зощенко, приведенные в настоящей антологии. Учитывая широкую известность Троцкого, приобретающую в глазах многих современников преувеличенные масштабы, в определенном диссонансе могут прозвучать строчки из поэмы Владимира Маяковского «150.000.000» 1921 года: «Не Троцкому / не Ленину стих умиленный / В бою / славлю миллионы / вижу миллионы / миллионы пою...»⁷². Такой взгляд был вполне естественным и распространенным даже среди правоверных сторонников советской власти. Валерий Брюсов в стихотворении «Прибой поколений» (1923) помещает Троцкого в контекст хтонических символов: «Что ж я в море, где зыбь — Троцкий, тина — Деникин / Я, где явь, нет, не мы, ты — Земля, шар-колосс!»⁷³. В 1924 году еще никто не мог удивляться, когда поэт-футурист Давид Бурлюк, подобно Маяковскому, упоминает Троцкого в тесной связке с Лениным: «Сподвижники Ленина: Троцкий / Красармии бодрости лев, / Кто волю военным по-братски / Святыней хранить повелел»⁷⁴. На рубеже 1923–1924 годов, в результате масштабной политической кампании против Троцкого, «Красармии бодрости лев» будет вынужден подать в отставку со всех военных постов. Но еще в 1926 году Всеволод Иванов мог опубликовать вполне рядовой рассказ об участнике Гражданской войны, вспоминавшего: «...как на Урале, на хозяйственном фронте дивизия заготавливала дрова. Должен был приехать Троцкий. Красноармейцы десять верст, прямо через снега, шли к рельсам для того, чтобы прокричать мчащемуся мимо поезду “ура”...»⁷⁵. Надо ли говорить, что подобные свидетельства вскоре станут невозможными ни для художественной литературы, ни для публицистики: начиная с 1931 года сталинское обвинение в «троцкистской контрабанде» станет одним из самых тяжких.

⁷² Маяковский В. 150.000.000. М.: Госиздат, 1921. С. 55.

⁷³ Брюсов В. Меа: Собрание стихов 1922–1924 года. М.: Госиздат. С. 28.

⁷⁴ Бурлюк Д., Бурлюк Н. Д. Стихотворения. М.: Гуманитарный проект, 2002. С. 415.

⁷⁵ Иванов Вс. На покой // Иванов Вс. Тайное тайных. М.: Наука, 1927. С. 202.

Авторские нарративы о Троцком нечасто содержали осмысление воспоминаний, отстранение или самокритику. Николай Суханов, автор одной из самых известных «больших историй» революции 1917 года, честно признавал, что его «записки — плод не размышлений и еще меньше *изучения*: они плод *памяти*. <...> Пусть это не история, и не публицистика, и не беллетристика; пусть это и то, и другое, и третье, в беспорядочной череде, в случайных и уродливых пропорциях. Пусть!»⁷⁶. Примерно в то же время Дмитрий Сверчков в предисловии ко второму изданию своих воспоминаний сожалел, что «...все же многие ценнейшие факты... остаются неизвестными до сих пор и хранятся, может быть, только в памяти его непосредственных участников»⁷⁷. Оба автора, фрагменты воспоминаний которых опубликованы в данной антологии, выражали скепсис относительно объективности фактов, их зависимости от особенностей индивидуальной памяти, что было свойственно интеллектуальной культуре эпохи позитивизма. Воспоминания Федора Степуна и марксистов Суханова и Сверčkова различаются не только политическими оценками — философ-идеалист Степун не сдерживает эмоций: «Вспоминая свои частые заезды в Смольный, я до сих пор чувствую жар у лица и помутнение взора от едкого смрада кругом. Воля, чувство и мысли массовой души находились здесь в раскаленном состоянии. С подиума эстрады точно и злостно, словно удары молота на наковальню, падали упрощенные формулы и страстные призывы вождей международного пролетариата. Особенно блестящ, надменен и горяч был в те дни Троцкий, особенно отвратителен, нагл и пошл — Зиновьев. Первому хотелось пустить пулю в лоб, второго — растереть сапогом»⁷⁸. Можно с уверенностью предположить, что такой подход был свойственен многим творцам общественного мнения. Так, например, 3 августа 1936 года Петр Бицилли в письме редактору «Современных записок» Вадиму Рудневу писал: «Вы как будто колеблетесь, стоит ли в дальнейшем помещать *воспоминания* *N. N.* По-моему, они исключительно интересны; на меня, по крайней мере, произвели сильнейшее впечатление. Ленин и Троцкий там

⁷⁶ Суханов Н. Н. Записки о революции. М.: Политиздат, 1991. Т. 1. Кн. 1–2. С. 44–45.

⁷⁷ Сверчков Д. На заре революции. 4-е изд. Л.: Госиздат, 1926. С. 11.

⁷⁸ Степун Ф. Бывшее и несбывшееся. С. 444.

как живые встают передо мною, хотя и никогда их не видал: верный признак правдивости изображения»⁷⁹. Бицилли имел в виду записанные Романом Гулем воспоминания Александра Нагловского, ценные, но далекие от правдивости.

Наоборот, Семен Либерман счел необходимым во введении к своим воспоминаниям сослаться на актуальные исследования в лице Сиднея Хука⁸⁰, чтобы подчеркнуть, что «в современной исторической и мемуарной литературе почти нет таких биографических или портретных описаний Ленина или других советских лидеров, которые не были бы, главным образом, данью междупартийным спорам, вместо того чтобы давать правдивый отчет о впечатлениях автора от его встреч или сотрудничества с этими лицами». Либерман «не хотел бы заслужить упрек в недостаточной скромности», но позволил «себе надеяться, что настоящая книга поможет — хотя бы в минимальной доле — восполнению этого пробела в области прямого и беспристрастного свидетельства»⁸¹. Не следует удивляться, что метод «беспристрастности» в случае Либермана наложил отпечаток сухости на созданный им образ Троцкого.

Лев Копелев лично не видел Троцкого, но все же блестящим образом воспроизвел его образ, не в последнюю очередь благодаря своей надежде на «целебные силы памяти, освобожденной от недобрых пристрастий идеологических, сословных, этнических». Копелев хотел «верить, что память людей и народов можно очистить от лжи всех кумирен, от жестоких предрассудков, от инстинктов мести безрассудного эгоизма — личного и сверхличного: партийного, церковного, националистического... И тогда наши дети и внуки постепенно обретут пока еще редкую способность извлекать уроки из прошлого»⁸². Вопреки господствующим тенденциям в непрекращающихся «войнах памяти» хотелось бы завершить введение на этой ноте здорового идеализма и гуманистического

---

⁷⁹ «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 583.

⁸⁰ Hook S. *The Hero in History: A Study in Limitation and Possibility*. New York: The John Day Company, 1943.

⁸¹ Либерман С. И. *Дела и люди (На советской стройке)*. New York: New Democracy Books, 1944. С. 3.

⁸² Копелев Л. *И сотворил себе кумира*. Харьков: Права людини, 2010. С. 341–342.

пафоса. Сам Копелев, подобно другим тонким наблюдателям, не стремился создать цельный нарратив о Троцком, но его подход может послужить вдохновением для новых авторов, способных отказаться от готовых клише и шаблонов и взглянуть на историю свежим взглядом. Логичным продолжением данного издания могла бы стать антология, охватывающая тексты о Троцком за период смены эпох — политических и культурных, — длящийся с конца 1980-х годов по настоящий день в большой степени как «проработка прошлого».

Составителю настоящей антологии оказали неоценимую помощь Г. Ю. Альберт, А. В. Ганин, А. В. Гусев, Ю. В. Гусева, Н. А. Заяц, Ф. Корни, И. В. Кукулин, Е. Михайлик, Т. Н. Раков, К. А. Тарасов и Ю. Т. Туточкин. Отдельная благодарность Е. А. Жданковой и Б. И. Колоницкому.

